

**Методологические основания исследования неоязычества
в условиях мультипарадигмальности религиоведения**

Астахова Л.С.

Казанский федеральный университет

Аннотация:

Религиоведение является гуманитарной отраслью, в которой одновременно сосуществует и активно действует большое количество парадигм. В результате зачастую представители сообщества, разделяющие различные парадигмы, не могут полноценно взаимодействовать на уровне прикладного исследования. Также это влияет на факт выбора инструментария, так как отдельные направления более развиты. Автор показывает, как выбор парадигмального инструментария позволяет раскрыть те или иные характеристики такого феномена, как язычество. Приводятся примеры из авторских исследований, которые проводятся в течении 20 лет.

Ключевые слова: неоязычество, язычество, парадигма, стратегия исследования, тактика прикладного исследования, конструкт.

Annotation: Religious studies is a kind of humanitarian knowledge where a numerous number of paradigms exists simultaneously. Thus, members of professional community, who adhere different paradigms, can not acts cooperatively in applied research. Also it influence at a choice of research tools; in some paradigms research tools are more complete. Author displays how does the choice of paradigmatic research tools permit to disclose characteristics of paganism phenomenon. Author exemplify cases of own research practice of last 20 years.

Keywords: Neopaganism, paganism, paradigm, research strategy, applied research tactics, construct.

Проблема методологического поиска в современных исследованиях религии в условиях трансформации самого подхода к феномену религии – не случайна, скорее - закономерна. Связано это, в первую очередь, с тем фактом, что научное изучение религий затрагивает целый ряд различных отраслей, каждая из которых имеет сложившиеся традиции методологического и методического сопровождения исследования.

Религиоведение, несомненно, форвард научного изучения религии в России (что следует хотя бы из самого названия данного направления). Но в этом же заложено, возможно, основное противоречие, ввиду того, что основой научного религиоведения в России является философия религии, в

то время как ряд научных дисциплин/спектров оказываются несколько «за бортом»: так, недостаточно много уделяется антропологическим исследованиям религии, в то время как эту нишу успешно для себя занимает социология религии; полевые исследования в области психологии религии заметно проигрывают собственно социальной психологии; феноменологические исследования религии, вообще, воспринимаются, как нечто «пограничное» с теологией...

Видимо, в связи с тем, что религиоведение непосредственно имеет дело с религиями, изучая язычество/неоязычество, оно автоматически рассматривает религиозную составляющую в качестве несомненной доминанты, упуская из виду, зачастую, другие стороны жизни, в том числе – не связанные непосредственно с религиозным культом. Отчасти это верно: религиозная составляющая столь плотно проникает в пласты повседневной жизни, что разделить их оказывается практически невозможно. Однако, если говорить о неоязычестве, то необходимым становится осознание исследователем того факта, что современные неоязычники в большинстве своем чаще всего не являются практикующими второго-третьего поколения, т.е. часть своей жизни они прожили вне наполнения повседневных действий религиозным пониманием. Вследствие этого, не все предпринимаемые практики на деле будут проинтерпретированы самими практикующими как религиозные.

Так, различного рода телесные практики, имеющие важное значение для любой религиозной системы, такие как прием и качество пищи, чистота духовная и ритуальное омовение и т.д. и т.п., могут для определенной части сообщества оказаться не наделены религиозным смыслом, ввиду того, что они не являются для них религиозным маркером. Это же, до определённого этапа вхождения в сообщество, касается и домашних практик и маркеров оформления жилища.

Возвращаясь к основной теме, отметим, что определившись с методологической направленностью, и, если говорить в широком смысле – с предметной составляющей, то есть с тем, в рамках какой стратегии мы видим свое исследование, фактически, этим фиксируем свой угол зрения, свою позицию, с которой мы будем изучать объект. И выбор методологии и стратегии исследования непосредственно будет влиять на его тактику.

Приведем пример из исследовательской практики. В процессе изучения современного язычества народов Поволжья, и пытаясь провести социологическое количественное исследование, еще 20 лет назад мы столкнулись с очевидной сложностью – невозможностью определения генеральной совокупности. Это связано не только с тем, что далеко не все последователи язычества имеют соответствующую самоидентификацию (в данном случае, имеется в виду, самоосознание себя как язычника и самоназывание себя язычником). Оказалось, что в результате исторического

крещения народов Поволжья, и ассимиляции, даже практикующие язычники, чаще всего, были крещены в церкви (либо, реже, принадлежали к мусульманам). В результате, себя эти люди в количественных исследованиях не относят к язычникам, определяя свою религиозную принадлежность по семейным традициям (говорят: мол, я - «крещен», «читан» и т.д.) При качественном исследовании оказалось, что большая часть прихожан деревенских церквей многих марийских районов де факто практикует двоеверие, то есть участие в религиозных практиках как языческих, так и по факту именнаяречения или крещения. Чаще всего, конечно, встречались язычники-православные, что выражалось в попытках этих людей принести в жертву курицу Николаю Чудотворцу для помощи в делах, или вылить крови перед Богородичной иконой для помощи во время родов. Кроме того, оказалось, что размытость границы усиливается также симпатиями, которые испытывают представители как язычества к православию или исламу, так и обратно – при близком соседском проживании. Фактически, в этом случае получалось, что генеральная совокупность должна представлять число, сопоставимое со всеми жителями Республики Марий Эл. В результате, было принято решение отойти от количественных стратегий, и выбрать качественные мягкие методы, в частности, автобиографии и семейные истории.

Методологически изучение неоязычества необходимым образом опирается на понимание язычества как социального конструкта, вобравшего в себя образы ожиданий духовной эволюции человека, состояний культурного контекста, краха отдельных нормативных постулатов, изменение смысложизненного фокуса.

В то же время, это религиозная система: с нашей точки зрения, религия – это сложно организованная смысловая рамка в системе иерархически выстроенных миров. Таким образом, определяя неоязычество как религиозную систему, мы говорим о наличии в различных неоязыческих группах различных форм сочетания и понимания миров, расположенных по отношению к физическому миру в отношениях соподчинения или независимости, населенных/ненаселенных определенными существами иномирного характера, с которыми возможно вступать в отношения путем осуществления религиозных практик, включая путешествия по данной системе миров. В то же время, в качестве рамки выступает специфически организованная система этики и морали, и она может пониматься индивидуально шире/уже предписанной к пониманию для основного коллектива, что обеспечивает эзотерический характер отдельных учений или усиление роли личности в религиозной группе/общине.

В то же время под неоязычеством понимается конструкт в несколько ином ракурсе, как вобравший в себя различные формы «древних верований» в различных, уникально присущих пропорциях: это может быть сочетание

культы предков, магии, культа природы, шаманизма и т.д. На наш взгляд, данные определения не противоречат друг другу, более того, на различных уровнях или в различных мирах могут действовать нормы и правила различного характера и вне времени и физической логики: так, почитание предков может учитываться на уровнях высоких, «ветвях древа» (во время общения с высшим миром), в то время как сами предки являются своего рода корнями, углубленными в века...

В связи с этим, необходимым становится осознание исследователем ряда базовых признаков «язычества как конструируемого феномена», продолжающего трансформирование изначальной языческой идеи, в ее непрерывной динамике и развитии.

Сегодня, имея за плечами длительную историю возрождения языческих верований, одним из признаков включаемости в неоязыческое сознание, является попытка ответа на вопрос: «язычество как мы его видим – это реконструкция или изначальная вера»? На этот вопрос, в работе над исследованием, исследователь-практик для себя также должен ответить, хотя бы на уровне построения гипотез. И от того, как он отвечает на этот вопрос, активизируются разные методологические и методические основания будущего исследовательского проекта.

Так, задействование анализа с точки зрения реконструкции задействует использование социологических или историко-сравнительных методов, в то время как понимание язычества как некоего «архитипа», заложенного и воспроизводимого, либо понимание его как генетически заложенной «памяти об истинной вере» поднимет вопрос о необходимости психологического или феноменологического исследования.

Приведем в качестве примера интересный кейс, встретившийся в одном из последних исследований славянского язычества 2012-2016 гг. Так, в районах с наличием мест «компактного проживания» язычников, выявляются все чаще «необращенные, стихийные язычники». Нам встретились, главным образом, мужчины, с сильной, обозначаемой ими как религиозная, тягой к земле, внезапно проявившейся у них в возрасте тридцати – тридцати трех лет. Эти люди не отличались и даже на момент исследования не отличаются особенной религиозностью в плане реализации определенных практик. Однако тяга к земле, желание не просто иметь свою землю, но и возделывать ее, существовать «от земли» - что она даст, то и потреблять, не просто антропологизация, но практически обожествление природы в этих случаях заметно очень сильно:

«Я когда деньги перевел за землю, и ответ пришел, я сел вот так прям на пол – и заплакал. Моя, моя Земля, я хозяин. Я ей дам, она мне. Так правильно, так и должно быть» (А., муж, 33 года);

«Хозяин он должен быть хозяин, но Земля тебе не даст, если не вложил в нее. Сначала деньги, потом душу, она услышит» (С., муж, 32 года);

«Что из уст, то и в уста придет, земля услышит – все вернет. Поэтому я с ней разговариваю» (Е., муж, 45 лет).

Поскольку современная культура предлагает сегодня много форм знакомства с языческой культурой, эти люди быстро задаются вопросом, является ли язычество исконной религией, или все-таки сегодня совершена определенная реконструкция. В пользу исконности и «генетического язычества», религиозной памяти в этих людях говорит их проснувшаяся жажда природы и земли, взаимодействия с ней, проявляющаяся подчас (в больших городах) в стремлениях заводить огромное количество домашних растений – земля окружает этих людей даже в мегаполисах. Эти люди начинают стремительно переучиваться: все, что имело силу в рамках мегаполиса, становится неважным, в то время как нормативность устанавливается с точки зрения допустимости в природе.

Другая проблема, вызывающая необходимость методологического и, впоследствии, методического решения, логически вытекает из проблемы, заложенной в данном кейсе, и связывается с тем фактом, что чем глубже языческие корни, тем сложнее разделить собственно социальное и религиозное: социальная и религиозная роли монолитизируются за счет исторической диффузии, возвращение к корням усиливает их осознание социального статуса, особенно если появляется возможность жить в общине.

При этом, как выясняется, феномен двоеверия за последние двенадцать лет также трансформировался: зачастую неоязычники более не считают необходимым «проливать кровь» в храме, так как знают о недопустимости такого поведения, зато начинают «приносить в жертву» объекты, принадлежащие их «второй вере», а именно: если ранее двоеверы в храме были как язычники, то теперь они в местах силы ведут себя «как христиане», читают молитвы, оставляют предметы христианского культа, в частности, просфоры и свечи, при этом сохраняя свою двойную идентичность. Сращивание нормативных установок также наблюдается: христианские нормы и ценности переносятся на языческую почву, что отражается даже в факте восприятия сущности молитвы:

«- Народ нельзя заставить говорить словами. Молитва от сердца идет.

- И как Вы молитесь?

- Как с детства учила, православными, Отче наш, Богородице Дево...

- Но это православные молитвы. Вас не смущает?

- Нет, почему – это же от сердца, и Сущности одни и те же. Мы все тем же силам молимся. Стихии... Главное, где сказать, и все услышат» (Е., жен., 36 л.)

Нами было обнаружено, что несколько женщин в одном из поселений, ориентирующегося на приглашении неоязычников, которые посещали по мере возможности православный храм в ближайшем селе. Это ими не афишируется среди других поселенцев, однако они считают важным общаться с матушкой (женой священнослужителя) и активно поддерживать ее в ведении натурального хозяйства при приходе. *«Поют красиво, благодать, с детьми сходить по утрам – что ж не сходить то?»* Однако как только ребенок достигает возраста, в котором может рассказать о местах, где был – женщины чаще всего свои походы прекращали. Во всяком случае, объяснили они именно так: *«Мало ли, скажет не так, мужик не так поймет... Отец у нас – мужик!»*

Любопытно, что даже вопросы экономического плана для исследователя могут дать пищу для размышлений и интерпретации. Так, в одном из поселений мы выяснили, что несколько семей строили свои дома на взятые кредиты, отдавать которые они не стали и скрываются от государства. Нам эти люди объяснили так: *«банки сами украли, взять ворованное у вора – не грех»* (семья С. и А.). Однако, не все в общине одобряют это: *«С неба упало – потом дорожке отдашь. Только вложившись, честно отдарисься. А так – взял и ходи, оглядывайся. Может, эти бандиты и не найдут. Так лошадь сдохнет, или корова не отелится... или вообще с детьми что... зря они.»*

Политеистическая картина мира зачастую обнаруживает себя сугубо функционально, что дает возможность для использования структурно-функционального подхода и к общине: социальное становится подобно идеальному, в общине все заведено «как в природе», «согласно установленному на века порядку», «как в роду написано». Например, любопытное наблюдение: в Казани с точки зрения СМИ и общественного мнения, существуют тэнгрианские общины (доисламские языческие верования татар), а также марийские и чувашские, т.е. традиционные, «исконные». О славянских общинах упоминается значительно реже и чаще их наличие отрицается. Однако в результате поисков под Казанью обнаружены славянские языческие капища, исключительно мужские. Этот факт определенным образом характеризует и состав, и характер местных славянских общин. В то же время известно, что их женщины также зачастую посещают особые «места силы», где сейчас располагаются православные монастыри, в частности, известной точкой является поселок Раифа, где сейчас располагается мужской Раифский Богородицкий монастырь.

В последнее время все чаще актуализируется в языческих верованиях ведение не общинной, а частной, одиночной практики; не моления, но молитва. Это объясняется тем, что *«каждый один пришел в мир – и один уйдет»*. Кроме того, эзотерические уровни, имеющие место в некоторых языческих группах, предполагают своего рода примитивную иерархию,

выделяющую получивших сакральное знание, отделяют от «недоросших». Выявить ведение одиночных практик невозможно иначе, чем с использованием кейс-стади, эффективного при биографических исследованиях. Эффективность биографического метода показывают множество исследований лидеров религиозных языческих общин.

Таким образом, характеризуя в целом методологические предпочтения при изучении неоязычества, можно отметить высокую степень динамики данных групп, постоянно и плотное взаимодействие с обществом, и зачастую - обогащение и трансформацию вероучения и особенно религиозных практик, за счет своего рода «культурной прививки» традиционных религий народов мира. Только учитывая данную специфику, можно подобрать соответствующий методический инструмент для проведения качественных и эффективных исследований. В то же время, необходимо помнить, что подход с точки зрения системного конструкта не отменяет необходимости изучать не только какие-либо элементы (на которые мы разъяли наш предмет), но выходить на общий уровень осознания неоязычества как целостного и весьма богатого феномена.